

ВСЕМІРНАЯ

№ 285—40

ПАНОРАМА

РР
5034

3 Октября

1914 г.

**ВОЕННЫЙ
НОМЕРЪ.**

На ст. ж. д. цѣна 6 коп.

5 коп.

Цѣна № въ розничной продажѣ въ столицахъ и провинціи

Цепелинъ сражается.

Изъ записки книжки «Русской Старины».

1. Съ легкимъ сердцемъ.

Основатель и высокоталантливый первый редакторъ «Русской Старины», Ми-

хаилъ Ивановичъ Семевскій, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Великаго Князя Константина Николаевича, передавалъ слѣдующій разсказъ про императора Франца-Иосифа.

По окончаніи Венгерской кампаніи въ 1848 г. австрійскимъ императоромъ сдѣлался Францъ-Иосифъ, возведенный на престолъ побѣдами русскихъ войскъ.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ долженъ былъ, по повелѣнію Императора Николая I, поздравить Франца-Иосифа съ вступленіемъ на престолъ. Въ честь Великаго Князя при австрійскомъ дворѣ устраивалось много различныхъ празднествъ. Одинъ разъ Великій Князь былъ приглашенъ на охоту, на которую онъ долженъ былъ выѣхать изъ дворца вмѣстѣ съ императоромъ Францемъ-Иосифомъ. В. К. Константинъ Николаевичъ пріѣхалъ въ назначенное время, и австрійскій императоръ просилъ Великаго Князя подождать въ кабинетѣ, пока онъ не подпишетъ лежащую передъ нимъ высокую стопу бумагъ.

Францъ-Иосифъ подписывалъ бумаги, разговаривалъ съ Великимъ Княземъ и опять подписывалъ бумаги. Передъ окончаніемъ послѣдней подписи Великій Князь спросилъ у Франца-Иосифа, какія бумаги онъ подписывалъ.

Молодой императоръ, нисколько не смущаясь, спокойно отвѣтилъ:

— Это смертные приговоры мятежникамъ венгерцамъ.

2. Вильгельмъ II и Бисмаркъ.

По вступленіи на престолъ императора Вильгельма II, германскій императоръ, сталъ постепенно устранять кн. Бисмарка отъ дѣлъ и не взирая на его громадныя заслуги для Германіи, ставить его въ положеніе обыкновеннаго министра.

Въ это время въ Россіи былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Гирсъ, а посланникомъ въ Берлинѣ гр. П. А. Шуваловъ.

Какъ-то графъ Шуваловъ уѣхалъ въ отпускъ и, по возвращеніи, сдѣлалъ визитъ кн. Бисмарку и спросилъ его, какъ онъ поживаетъ. На это князь Бисмаркъ ему отвѣтилъ: «Я не князь Бисмаркъ теперь, а я Гирсъ».

Вскорѣ политическая дѣятельность кн. Бисмарка кончилась. Онъ былъ совсемъ устраненъ отъ дѣлъ Вильгельмомъ II. Послѣдними словами кн. Бисмарка Вильгельму II были:

— Если хотите полного благополучія Германіи, то никогда не воюйте съ Россіей.

3. Вильгельмъ II и русскій генералъ.

5 октября 1913 года, во время торжествъ въ Лейпцигѣ, военнымъ представителямъ былъ данъ Саксонскимъ королемъ обѣдъ, при чемъ, послѣ обѣда, всѣ члены русскаго комитета по сооруженію храма-памятника на полѣ Лейпцигскаго сраженія были представлены императору Вильгельму II; одинъ товарищъ предсѣдателя Лейпцигскаго комитета не пожелалъ представиться Вильгельму II.

Когда императоръ Вильгельмъ II подошелъ къ члену Лейпцигскаго комитета, командиру л.-гв. Павловскаго полка Свиты Его Величества генерал-майору Некрасову, то, увидя на его груди георгіевскій крестъ, спросилъ его, въ какихъ войнахъ онъ участвовалъ.

Генералъ Некрасовъ отвѣтилъ германскому императору: «Я участвовалъ въ китайской войнѣ, японской войнѣ и пламенно желаю участвовать въ третьей войнѣ». Вильгельмъ, нѣсколько смутившись, спросилъ ген. Некрасова: «почему же онъ такъ желаетъ участвовать въ третьей войнѣ. На это ген. Некрасовъ отвѣтилъ: «я получилъ за войну георгіевскій крестъ, чинъ генерала, гвардейскій полкъ, зачисленъ въ Свиту Государя—и какъ же послѣ всего этого мнѣ не желать участія въ войнѣ, которая такъ меня много наградила».

Теперь желаніе генерала Некрасова сбылось, и онъ участвуетъ въ третьей войнѣ.

**ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ**

ПРОДАЮТСЯ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ СОБСТВЕНН. МАГАЗИНАХЪ КОМПАНИИ.

Разсрочка
ПЛАТЕЖА

1
ОТЪ РУБ.

РУЧНЫЯ
МАШИНЫ

25
ОТЪ РУБ.

МАГАЗИННАЯ ВЫВѢСКА.

Остерегайтесь
поддѣлокъ.

Магазины во всѣхъ
городахъ имперіи.

ПАНОРАМА

Французскіе зуавы атакують нѣмецкую батарею;

КАЗАЧЬЕ.

Королевская

Подразнить захотѣлось молодымъ казакамъ застѣваго въ городѣ врага...

Выбрали ночьку потемнѣе, сговорились четверо и отправились къ сотнику просить разрѣшить имъ «подразнить» нѣмцевъ.

Улыбнулся офицеръ, выслушавъ ихъ просьбу. Знаетъ онъ казацкую удаль, самъ вѣдь такой-же казакъ. Охота тоже потѣшиться надъ врагомъ, да нельзя. Если вся сотня пойдетъ, замѣтятъ нѣмцы, во время встрепенутся.

Подумаль немного, махнулъ согласно рукой.

— Ступайте, ребята, только помните, не попадайтесь въ плѣнъ, а то накажу! Ей-ей, накажу!—наставительно сказалъ онъ имъ.

Обрадовались станичники. Давно имъ охота до нѣмцевъ добраться, какую нибудь каверзу имъ устроить. Сговорились межъ собою, приготовились, подруги потуже подтянули, шашки, пики рассмотрѣли, все ли въ порядкѣ, сами оглядѣлись, приободрились, лихо птицами влетѣли на сѣдла, да благословясь и отправились.

Недалеко городъ, а нужно пробраться осторожно, чтобы никто не замѣтилъ, а тамъ, какъ въ немъ очутятся, побольше вреда нѣмцу нанести, да и обратно, айда, къ своимъ вернуться!

Сказано—сдѣлано.

Точно тѣни, пробрались во вражескій станъ казачки, подъ брюхо лошадей спрятались. Вредутъ однѣ лошади, да и все тутъ. Нѣсколько часовыхъ удалось отважнымъ ребятамъ клинками снять, а одного нѣмца солдата пики закололи, такъ упалъ, не вскрикнувъ, сердечный!

А какъ въ городѣ очутились, спугнули, переполоху нагнали среди враговъ, да ласточками назадъ и упорхнули.

Упорхнули, да не всѣ: на бѣду споткнулась у одного казака лошадь, да, падая, придавила своего всадника. Бархатался недолго станичникъ, выбрался... Товарищи далеко, пѣшимъ не угчаться, а лошадь позацуталась въ повожьяхъ.

Торопятся станичникъ ее выправить, да въ поспѣшности

„Вотъ такъ нянька!“

Французскіе солдаты хорошо умѣютъ отличать вѣсто-

Послѣдній портретъ бельгійскаго короля Альберта, находящагося все время на поляхъ битвъ.

руки не какъ нужно работаютъ, а тутъ кругомъ набѣжали нѣмцы, плотнымъ кольцомъ обхватили русскаго.

Отбиваться пытался казакъ, немало врага поскѣкъ, да больно много народу на него настѣло, не совладать съ ними.

Схватили, въ плѣнъ взяли. Радуются, да и какъ не порадоваться: самаго злѣйшаго врага взяли.

— Казакъ, казакъ въ плѣнъ попался!—слышатся радостныя восклицанія по всему городку.

Руки, ноги связали, въ подвалъ темный бросили,—пусть до утра полежитъ такъ, а тамъ завтра и допросъ съ него снимемъ,—рѣшили германцы.

О, немало передумаль злополучный станичникъ за эту ночь, всячески поломаль голову, какъ бы ему изъ плѣна себя выволить, на свободу ударить!

Гдѣ тутъ! Стѣны крѣпкія, каменные, одушина есть, да въ нее развѣ копка пролѣзаетъ, а гдѣ тутъ человѣку?

А тутъ еще руки и ноги связаны. Плюнулъ даже съ досады казакъ. И неволя-то томить его, дума невеселая въ головѣ роится, вспомнилъ онъ и о наказѣ своего офицера: «Накажу, молъ, если кто изъ васъ попадетсѣ къ нѣмцамъ»

А тутъ вонъ и попался, точно куръ во щи! Какъ ребенка малаго свивальникомъ опутали!

Еще больше загореваль плѣнникъ. Слушокъ прошелъ, что нѣмцы казаковъ не терпятъ, коли поймають, всякое зло имъ, пытки чинять, а убьютъ, такъ трушъ позорять, до гола раздѣвають, воронамъ на клевъ бросать!

Не боится смерти станичникъ, съ тѣмъ и воюють, что смерть постоянно въ глаза глядитъ. Какой-же тогда в казакъ былъ бы, если бы трусилъ!

II.

Забыли ли про плѣннаго нѣмцы, или просто хотѣли его продержать подольше въ погребѣ.

Вѣсть захотѣлось казаку. Знаетъ, что время въ полдень перешло, а никто не идетъ.

Снова подкатился къ окнушкѣ Зоркимъ взглядомъ обшаривъ ея

Уходятъ, но не сдаются.

Толпы бельгийцевъ, покидающихъ свои родныя мѣста и уходящихъ отъ наступающихъ германскихъ полчищъ.

— Нѣтъ, узка, не выбраться!—прошепталъ онъ и принялся перегрызать на ногахъ веревки.

Это ему удалось. Крѣпки казачьи зубы,—все перегрызуть. Всталъ, размялся, нѣсколько шаговъ сдѣлалъ, кровь по жиламъ пробѣжала. Руки не развязать, назадъ закручены. Не обо что веревку потерять, гладкія стѣны, ни крюка, ни связи желѣзной, ничего нѣтъ, все замазано.

А тутъ загремѣлъ засовъ у двери, два дюжихъ нѣмца вошли, съ винтовками, изъ двери еще двое выглядываютъ, къ безоружному плѣннику бояться подступить—одно слово, казакъ, пугало для нѣмцевъ!

Зовутъ съ ними идти. Хотѣли ноги развязать, а у него и веревочекъ на нихъ нѣтъ.

— Проклятый казакъ!—неволью вырвалось у одного изъ солдатъ, въ спину прикладомъ со злости плѣнника ударилъ.

Выбрались наружу.

Кругомъ осматрѣлся станичникъ, видитъ, улица. Повели по ней. Все запримѣчаетъ зоркій казакъ.

Ведутъ его, а любопытные повсюду стоятъ. Солдаты германскіе глазами впились въ плѣнника, посмѣиваются, шуточки злыя ему вслѣдъ кричатъ.

Кое-что по русски и по польски умѣютъ, язвятъ.

Подошелъ молодой офицеръ нѣмецъ, вплотную къ плѣннику придвинулся, злобно глазами блеснулъ и чисто такъ по русски замѣтилъ:

— Ну, казакъ, попался въ наши руки, вспомнишь, какъ съ нѣмцами драться! Теперь не убѣжишь!

На лицѣ станичника насмѣшка показалась.

— Э-эхъ, не вамъ бы хвастаться, да не мнѣ бы слушать, бѣжите то вы отъ насъ, а казакъ ни отъ кого не бѣгалъ.—увѣренно отвѣтилъ онъ нѣмцу и отвернулся.

Вскипѣлъ офицеръ, хотѣлъ было ударить дерзкаго русскаго, да, видимо, побоялся, что тотъ ему оскорбленіемъ отвѣтитъ, пожалуй, еще въ лицо плюнетъ!

Точно кабаньями колѣномъ окружилъ нѣмцы казакъ,

ведутъ, а сами съ него глазъ не спускаютъ, боятся, чтобы не убѣжалъ.

Вотъ ужъ и площадь недалеко. Чуетъ станичникъ, что здѣсь его конецъ придетъ. Хорошо еще, если подъ разстрѣлъ поставятъ, а то хуже что нибудь придумаютъ, казачью свободную честь запятнаютъ!

И снова горько стало на душѣ отважнаго парня. Такъ бы вотъ выхватилъ саблю у кого-нибудь изъ враговъ, да принялся бъ ихъ косить: лучше смерть въ честномъ бою, пусть убиваютъ!

Въ странѣ героевъ.

Бельгійскіе солдаты отражаютъ атаку германцевъ при Аррасѣ (По фот. в. Желминича).

Французскіе «уавы» въ засадѣ обстрѣливаютъ изъ пулемета нѣмецкій развѣдочный отрядъ

солдаты глазами окинуть, велѣлъ себѣ казачью лошадь подвести, съ помощью ординарца на сѣдло сѣсть.

Не привычно казацкое сидѣнье, стремена неудобны. Натянулъ поводья, по кавалерійски лошадь тронулъ, а казачій мастачекъ только усамі прыдетъ, а самъ ни съ мѣста.

Хлыстомъ ее сѣдокъ вытянулъ, въ шпоры далъ.

Задними ногами конь вскинулъ, недовольный этимъ, а самъ ни на шагъ не продвинулся.

Немало времени промучился нѣмецкій всадникъ съ казачьимъ конемъ, какъ ни старался, ничего не выходило.

Подбѣжали два кавалериста-солдата, въ хлысты упрямое животное взяли—и этимъ сдѣлать ничего не могли, только на дыбы подымается, да сбросить нѣмца хочетъ.

Разсерженно слѣзъ германскій офицеръ съ сѣдла, плечами пожалъ.

Генералу, что на балконѣ стоялъ, по нѣмецки рассказываетъ, видимо, оправдывается, всю вину на лошадь складываетъ.

Радостно казаку, что его мастачекъ подъ нѣмцемъ ходить не захотѣлъ.

Смѣлый планъ въ голову станичнику вибрировалъ, серьга даже въ ухѣ затряслась, глазъ скосилъ, къ себѣ солдатика-нѣмца подзываетъ.

— Пусть, молъ, офицеръ, со мной вмѣстѣ на лошадь сѣдетъ, я ему все, какъ слѣзъ, покажу и конемъ владѣть выучу.

Понялъ нѣмецъ, рысью подбѣжалъ къ неудачному всаднику, отрапортовалъ.

Нахмурился сперва тотъ, а потомъ съ генераломъ переговорилъ, согласился, «гутъ» сказалъ, головой кивнулъ.

Понялъ казачокъ, что его планъ удаваться начинается, на руки указалъ, чтобы развязали.

Освободились руки, затекли, пальцы насилу шевелятся. Отмахалъ ими, чувствуетъ, кровь заиграла, силушка вернулась. Къ лошади подошелъ, темнымъ глазомъ взглянуло животное на своего хозяина, тихо заржало.

Офицеръ на сѣдло вскочилъ, оглянулся кругомъ: боль-

Руки связаны, затекли. Плечами повести трудно.

-- Попросить, не развяжутъ-ли, курнуть, скажу, хочется!

Не втерпѣжъ, спросилъ у одного изъ солдатъ, руками показали. Понялъ, усмѣхнулся, но только головой отрицательно покачалъ. «Нельзя, дескать».

На площадь пришли. Кругомъ пушки стоятъ, на дома казенные наставлены, чтобы въ конецъ разрушить, если кто сопротивляться изъ жителей станеть. Часовые разставлены. И такъ солдаты нѣмцы вездѣ шныряютъ, а надъ однимъ домомъ вражескій флагъ развѣвается.

Смекнулъ казачокъ. Должно быть, генералъ постоемъ здѣсь стоять.

Радостью загорѣлся взглядъ плѣнника, когда онъ залѣтилъ своего мастачка, котораго держали два кавалериста въ поводьяхъ—и невольно свистнулъ.

Отозвался конь на знакомый призывъ хозяина, радостно заржалъ.

— Ишь, Михрють-то мой признался,—мелькнуло въ головѣ у плѣннаго и весело стало у него на сердцѣ.

Своего близкаго почувалъ.

III.

Долго пришлось ждать. Жарко печетъ августовское солнце. Шапки на головѣ нѣтъ, вчера потерялъ. Но держится казачокъ, вида не подаетъ, только глазами сверкаетъ.

Нѣмцы смѣяться устали надъ нимъ, а ему хоть бы что: вся мысль только, какъ бы руки освободить!

Дождались. Вышелъ на балконъ генералъ, въ каскѣ, важный такой. Усы сѣдые покручивалъ. Съ лѣстницы сошелъ офицеръ, медленно направился къ плѣннику. Своихъ

Индусскія войска, прибывшія во Францію и отличающіяся непоколебимой стойкостью.

«Улучилъ моментъ станичникъ, револьверъ вытащилъ, къ груди офицера приставилъ»...

Къ разсказу „Кавачъ“.

ше сотни вѣмцевъ повсюду насторожѣ стоятъ, а тамъ дальше эскадронъ кавалеріи на коновязяхъ держится.

Успокоился вѣмецъ, рукой махнулъ русскому,—садись, молю!

Птицей вскочилъ казакъ на крупъ своего мастачка, гикнулъ и, какъ стрѣла, полетѣлъ по площади.

Генераль даже въ ладоши захопалъ, браво вакричалъ.

Не ко времени пришлось оно. Улучилъ минуту станичникъ, лѣвую руку закинулъ вокругъ шеи своего случайнаго сосѣда, да крѣпко прижалъ къ себѣ, а правой изъ кобуры, что на поясѣ у вѣмца висѣла, револьверъ вытащилъ, къ груди офицера приставилъ; слова не сказалъ, по взгляду тотъ догадался и шевелиться пересталъ.

Понесся мастачекъ еще сильнѣе. Обомлѣли вѣмцы, поняли, чѣмъ это дѣло пахнетъ, закричали:

— Стой, стой! Стрѣлять будемъ!

Еще громче загикалъ удалый станичникъ, а голову своего плѣнника еще крѣпче прижалъ.

Какъ тутъ стрѣлять, въ своего же офицера попадешь!

Примѣтилъ еще вчера казакъ, по какимъ улицамъ изъ города выѣзжать нужно, такъ стрѣлой по нимъ и понесся. Нѣкоторые вѣмецкіе солдатики, что навстрѣчу попадались, и понять не могутъ, почему ихъ офицеръ вмѣстѣ съ солдатамъ скачетъ, потѣснились, пропустили скакавшихъ.

На просторѣ поля не догнать казака: тутъ онъ самъ себѣ хозяинъ, только бы конь не выдалъ!

Версть десять промчались, тяжело нести казацкой лошади двухъ сѣдоковъ, да на всемъ ходу итти.

Посчастливилось станичику на своихъ наткнуться.

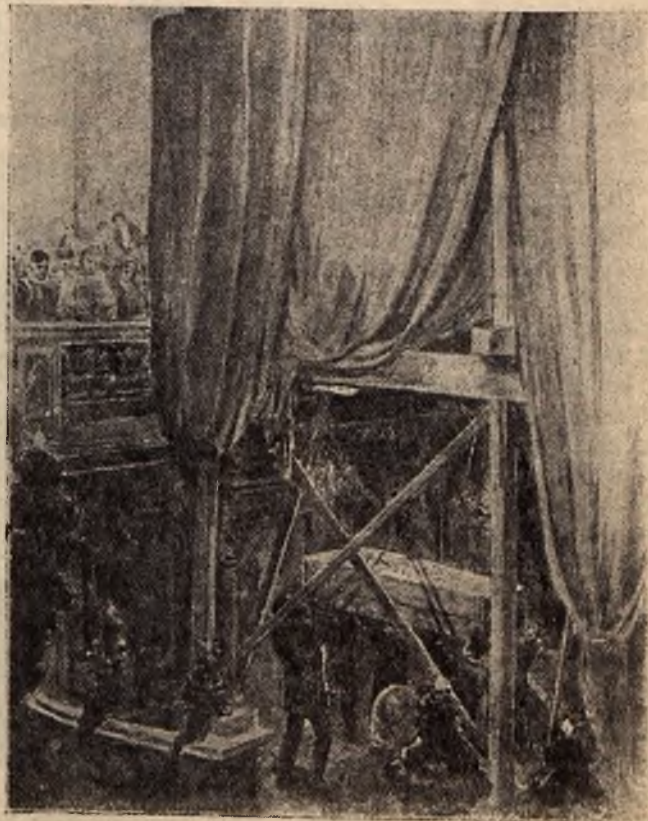
— Это откуда?—изумленно крикнулъ офицеръ, командовавшій казацкимъ разѣздомъ.

Узналъ свое начальство станичникъ, не отрывая лѣвой руки отъ полузадушеннаго пруссака, онъ приложилъ руку къ своей непокрытой головѣ и громко выкрикнулъ:

— Здравія желаю, ваше высокородіе, честь имѣю донести, что приказъ вашъ исполнилъ, вѣмца привезъ!

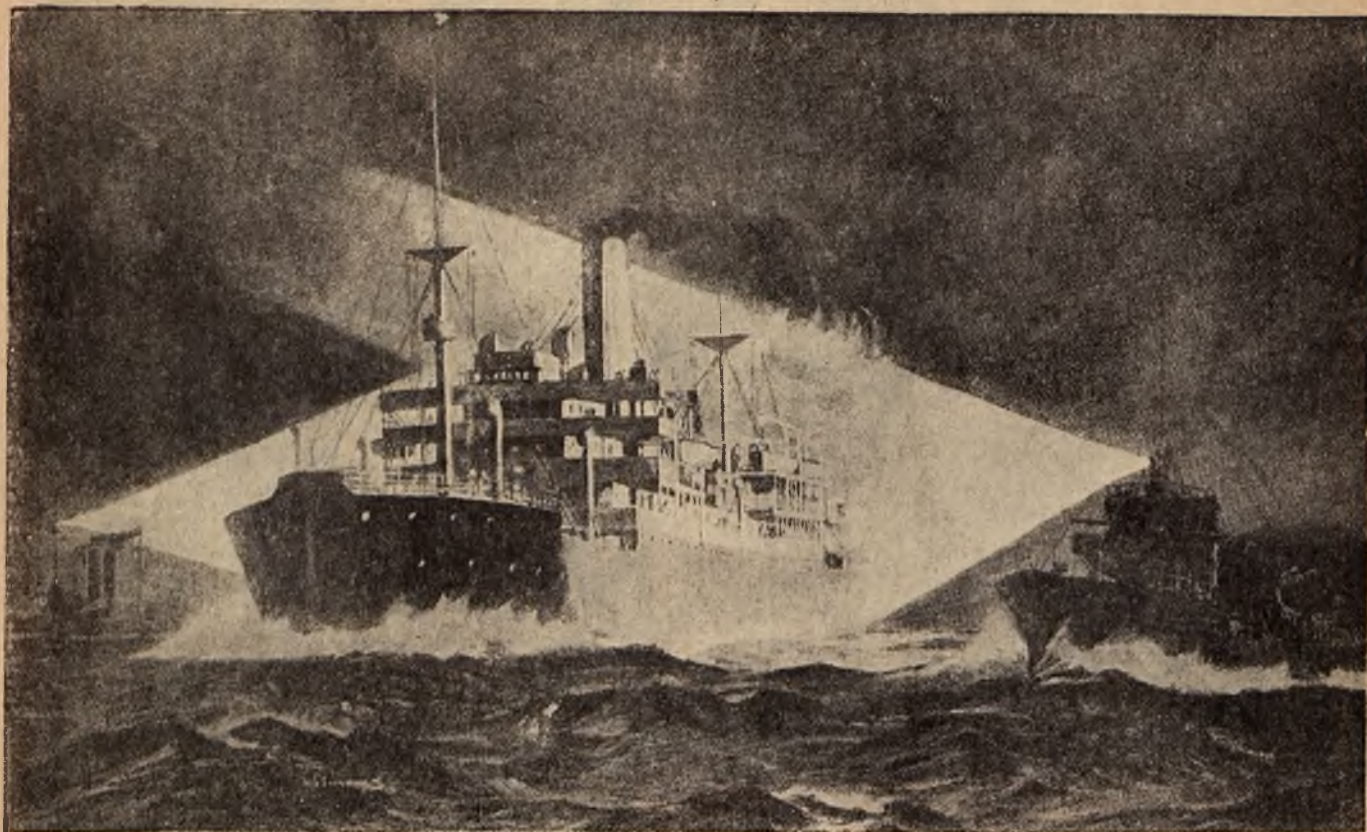
Г. Поляновъ.

Похороны папы.

Гробъ съ останками Пія Х при помощи особаго приспособленія опускають въ склепъ въ соборѣ св. Петра, въ Римѣ.

Контрабанду поймали.

Прожекторъ съ англійскаго военнаго судна открываетъ грузовой корабль, везшій контрабанду для германцевъ. Англичане переловили такимъ путемъ много сотенъ морскихъ гигантовъ.

По пути въ Россію.

VII.

Отъ Патраса до Пирея.

Отъ Патраса мы медленно полземъ товаро-пассажирскимъ поѣздомъ при 50° по Реомюру, и только теперь получаемъ правильное понятіе о томъ ужасѣ, который именуется южнымъ лѣтомъ.

Ни въ Швейцаріи, ни въ Италіи въ самые жаркіе мѣсяцы намъ не приходилось испытывать такого безпощаднаго и дикаго зноя. Мы, буквально, жаримся въ собственномъ соку. Мокро отъ пота не только бѣлье, но и платье.

Когда мы открываемъ съ обѣихъ сторонъ окна, невообразимо яркое, острое, какъ бритва, солнце слѣпнитъ глаза такъ, что мы должны сидѣть, плотно сомкнувъ вѣки. Но и такъ высидѣть долго нельзя: вѣки краснѣютъ, вслухаютъ и начинаютъ болѣть. Помимо того, насъ завоситъ удушливой, мелкой раскаленной пылью, и кожа поминутно получаетъ тысячи болѣзненныхъ булавочныхъ уколовъ.

Закрываемъ окна—мы начинаемъ жаловаться. Вагонъ переполненъ до послѣдней степени, тѣсно такъ что нельзя

пошевелить ни рукой, ни ногой, каждый изъ насъ съ обѣихъ сторонъ словно обложенъ горячими компрессами—горячими тѣлами сосѣдей, прилегающими плотно, какъ пластыри, и въ этой жаркой

тѣснотѣ нѣтъ воздуха. Мы жадно ловимъ его, зная, что его негдѣ достать. Носъ набить пылью и закупорить, и нужно сидѣть съ открытымъ ртомъ, а знойный воздухъ высушиваетъ ротъ, языкъ, глотку, все дыхательное горло, кажется, всѣ внутренности вмѣстѣ съ кишками.

Вода, которую мы запасливо заготовили въ Патрасѣ, уже послѣ первой версты успѣла помутнѣть, сгуститься и сдѣлаться вонюче-теплой, ужасно противной. И все-таки, преодолевая отвращеніе, мы ее пьемъ: все-таки—влага. На высунутой въ окно рукѣ солнце въ одинъ мигъ слизываетъ весь, выступившій въ вагонѣ, обильный потъ, и кожа дѣлается сухой и морщинистой, какъ пергаментъ, и черезъ нѣкоторое время на ней выступаютъ красныя пятна, которыя затѣмъ превращаются въ пузыри.

При этомъ ни намѣка на тѣнь ни съ правой, ни съ лѣвой стороны пути. Мы тащимся по голой, выжженной зносмъ, пустьнѣ съ сѣрватою, похожею на потрескавшуюся глину, землей, и рѣдкія, пыльные оливковыя рощицы, которыя намъ встрѣчаются, играютъ роль оазисовъ.

Такова благословенная Греція въ іюль, прекрасная Греція, по зарогившимся изъ равнинъ книгъ впечатлѣніямъ, казавшаяся намъ волшебнымъ сномъ, который кому-то приснился, Греція. об-

Его Императорское Высочество Великій Князь Дмитрій Павловичъ, награжденный орденомъ св. Георгія 4 степени за храбрость.

Изъ фот. Я. Шендера.

Освященіе госпиталя для раненыхъ воиновъ, устроеннаго на средства петроградскаго градоначальства и столичной полиціи. Въ центрѣ сидятъ тов. министра внутреннихъ дѣлъ ген.-м. В. Ф. Джунковскій (справа) и петроградскій градоначальникъ ген.-м. кн. А. Н. Оболенскій. (Съ фот. А. Н. Булла.)

вѣянная самыми повитическими легендами...

Но, вѣроятно, легенды творились не въ іюль, не въ іюль совидались великолѣпные памятники, не въ іюль раагуливали на аинской площади философы, вступаая въ ироническія бесѣды съ согражданами, не въ іюль смѣялся Аристофанъ, не въ іюль сражались...

Поѣздъ дѣлаетъ безчисленныя остановки, и мы видимъ близкія маленькія греческія села и городки. Это все кучи сѣрыхъ вывѣтрившихся горячихъ камней, не защищенныхъ ни однимъ деревомъ, ни однимъ кустикомъ, неизвѣстно за какія преступленія, брошенные среди пустыни, прямо, подъ отвѣсныя лучи солнца.

Кажется,—подымись вѣтеръ и весь городокъ превратится въ одну ѣдкую пыль, разлетится по воздуху и растаетъ, какъ миражъ.

Впрочемъ, не все растаетъ. На каждой крохотной станціи—военная охрана и солдаты съ ружьями не растаютъ... Они такіе основательные, стоятъ такіе важные, съ такимъ сознаниемъ долга, неподвижные, какъ нарисованные, эффектно отодвинувъ отъ себя на протяженіи руки винтовки, какъ при отдачѣ чести на почетномъ караулѣ.

Не растаютъ еще мальчишки, которые еще на ходу поѣзда, бросаются на вагоны, какъ очумѣлые, и наперерывъ суютъ въ окна кипы грязныхъ листовъ, что-то звонко выкрикивая.

Это все мѣстные газетки на греческомъ языкѣ, маленькія, какъ афишки, и не думаю, чтобы кто-либо изъ насъ могъ ихъ помянуть добромъ,—столько онѣ доставили намъ огорченій.

Среди насъ есть и женщины и дѣти...

тель древнихъ языковъ, и сообща мы пробуемъ разбираться въ крупныхъ заголовкахъ, исчерпывающихъ все содержаніе листовъ. Начертанія буквъ остались старыя, древне-греческія, не измѣнились почти и корни словъ, остались тѣ же союзы, и кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, мы улавливаемъ смыслъ.

Начиная отъ Патраса, листки постепенно готовятъ насъ къ самому ужасному, что насъ можетъ ждать, что все наше путешествіе можетъ сдѣлаться безцѣльнымъ и напраснымъ.

Сначала мы читаемъ: «Дарданеллы,

Георгіевскій кавалеръ.

Ген.-отъ-инф. А. Н. Зверевъ, награжденный орденомъ св. Георгія 4 степени за службу въ войскахъ...

по слухамъ, закрыты, но слухи еще не проверены!» Черезъ нѣсколько станцій слова «по слухамъ» уже отпадаютъ, о проверкѣ слуховъ ни слуха, ни духа, и категорически сообщается: «Дарданеллы минированы и закрыты!» А черезъ нѣсколько новыхъ станцій къ этой строчкѣ прибавляется еще одна: «и Босфоръ минированъ и закрытъ!»

Это значитъ, что Константинополь, черезъ который лежитъ нашъ путь, совершенно отгородился отъ всего міра и не выпускаетъ и не выпускаетъ ни одного судна...

Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы ѣдемъ въ Пирей, не зная, зачѣмъ ѣдемъ. Весь смыслъ поѣздки сразу пропадаетъ.

Сербы, которые ѣдутъ съ нами, не скрываютъ отъ насъ, что, если мы и доберемся до Салоникъ, а оттуда до Ниша, то Сербія при всемъ желаніи помочь намъ—а въ этомъ желаніи мы не должны сомнѣваться—и доставить насъ дальше, не сумѣетъ этого сдѣлать потому, во первыхъ, что всѣ поѣзда теперь перегружены и перевозятъ только войска, во вторыхъ, потому, что отъ Ниша и дорогахъ и мосты, вѣроятно, взорваны съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать пользованію ими австрійцамъ.

Такимъ образомъ, придется застрять въ Сербіи.

И чѣмъ дальше отъ Патраса и ближе къ Афинамъ и Пирею, центру Греціи, гдѣ могутъ все-таки больше и точнѣе знать, чѣмъ на окраинѣ, извѣстія становятся жестче и безнадежнѣе. О закрытіи Дарданеллъ и Босфора уже не говорятъ, это уже нѣчто совершившееся, теперь обсуждаютъ только создавшееся положеніе и вслѣдствіе какихъ это должно быть...

Нагрузка поезда имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны вещами, отправляемыми для нужд воиновъ на театр военныхъ дѣйствій. (Съ фот. К. К. Булла).

Сербы насъ утѣшаютъ.
— Въ Сербіи вамъ отлично будетъ житься. Мы сербы—хорошіе люди и мы васъ очень любимъ...

И мы ѣдемъ съ ними дальше, полагаясь на судьбу. Что будетъ,—то будетъ!..

Часа въ три поездъ вывозитъ насъ на береговую полосу, и мы медленно, тѣмъ же черепашинымъ ходомъ, полземъ, имѣя уже все время, то справа, то слѣва лазурное, смѣющееся, пронизанное солнцемъ, Средиземное море.

Дѣлается чуть-чуть легче, потому что въ струѣ жгучаго воздуха нѣтъ-нѣтъ

да пронесется дыханье моря, нѣтъ-нѣтъ да повѣетъ въ лицо влажной свѣжестью, и вздохнешь во всю грудь...

Красота кругомъ неопишуемая, и это хоть немного вознаграждаетъ насъ за муки первыхъ часовъ. Мы не отводимъ глазъ отъ оконъ. Мелькаютъ тихіе, золотые, пустынные острова...

Учитель, который съ нами, побывалъ уже разъ въ этихъ краяхъ, и, гдѣ можно, охотно проходитъ съ нами повторительный курсъ древней Греціи...

Онъ указываетъ рукой:
— Саламинъ!

И мы отвѣчаемъ ему хоромъ:
— 480.

И учитель киваетъ головой, но безъ малѣйшаго оттѣнка удивленія. Островъ Саламинъ и 480-ый годъ до Р. Х. нѣчто неотдѣлимое одно отъ другого для всякаго, кто проходилъ исторію хотя бы въ скромномъ размѣрѣ курса первыхъ трехъ классовъ. Въ 480-омъ году была битва при Саламинѣ, зарегистрированная исторіей, какъ одна изъ знаменитѣйшихъ битвъ древности.

Очень любопытно, конечно, лицомъ къ лицу столкнуться съ исторіей, и мы

дымдоравливающие раненые офицеры и нижніе чины въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. (Съ фот. Я. Штейнберга).

Бельгійскіе жители послѣ ораженій выходятъ на поля битвъ и облегчаютъ страданія раненыхъ, не различая ..хъ національности.

Австрийские пленные в Петроградѣ.

(Съ фот. Н. К. Булла).

смотримъ, хотя отъ обилія свѣта намъ грозить слѣпота.

Саламинъ—маленькій и холмистый песчаный островъ, плюгавенькій, гдѣ и курицу негдѣ выгнать, кромѣ песка ничего нѣтъ, ни одного зеленого листика, ни одной травинки, и всѣ песчинки нестерпимо искрятся и блестятъ на солнцѣ. Похоже, будто за прошлыя заслуги благодарное человѣчество обильно обсыпало его брилліантовой пылью.

Я гляжу на островокъ и стараюсь представить себѣ, что происходило тутъ 24 вѣка тому назадъ.

Не помню точно, сколько человѣкъ участвовало въ знаменитой битвѣ, чтобъ сдѣлать ее такой знаменитой, но врядъ ли много, ибо древность, не смотря на засвидѣтельствовавшую храбрость, была очень благоразумна и очень экономна, не широко разбрасывалась и предпочитала давать въ маломъ великое. Трехсотъ человѣкъ, павшихъ для и ради отечества, оказывалось, напримѣръ, совершенно достаточнымъ, чтобы исторія на вѣки вѣчные занесла это на свои страницы золотыми буквами...

О, блаженное, стократъ блаженное время, когда безсмертье покупалось по такой дешевой цѣнѣ...

Элевзисъ... Здѣсь происходили когда-то таинства... Еще острова и острова, всѣ тихіе, пустынные, задумавшіеся среди дремлющаго волшебнаго моря, гдѣ только и могла родиться богиня красоты.

Иногда какъ бы со сна схватываешься: повѣздъ проползаетъ вдругъ мимо тяжелаго неуклюжаго сѣраго зданія съ часовыми, охраняющими входъ.

Это современная Греція.

Вотъ слѣва Парнасъ, пресловутый старый Парнасъ, вершина котораго столь многимъ и многимъ во всѣ вѣка казалась необыкновенно заманчивой... Къ нему величайшему изумленію, и даже

я почему-то всегда его воображалъ, а обыкновенный холмъ, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ холмовъ, въ ряду которыхъ онъ находится.

Не этой ли его близостью къ землѣ объясняется, что музы, жившія довольно далеко отъ боговъ, такъ охотно вступали въ общенье съ людьми?..

Мы видимъ издали и обиталище бо-

говъ—Олимпъ. Но видимъ очень смутно, въ дымкѣ. Во всякомъ случаѣ Олимпъ имѣетъ уже право называться горой, ибо въ немъ кажется до 3000 метровъ альтитуды.

Мы проѣзжаемъ Коринфъ. Это безпорядочныя кучи тѣхъ же сѣрыхъ, пыльных, вывѣтрившихся камней, что мы видѣли повсюду, такія же безжизненные и унылыя. Остатковъ древняго очень мало, вѣрнѣе—мы ихъ совсѣмъ не видимъ.

Учитель, правда, указываетъ намъ на какую-то грудку мусора и говоритъ, что это храмъ Посейдона. Но мы не вѣримъ ему. Ужъ лучше считать его слова за клевету, за желаніе почему-то опорочить Грецію, а храмъ Посейдона пусть останется въ нашемъ воображеніи такимъ, какимъ онъ рисовался намъ, когда мы еще впервые знакомились съ нимъ... хоть бы по Иловайскому.

За Коринфомъ мы видимъ гордость Греціи, недавно прорытый Коринфскій каналъ,—узенькую, неподвижную ленту, синюющую на страшной глубинѣ между совершенно отвѣсными берегами...

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Коринфѣ, турки въ Константинополь окончательно перебѣсались и, многозначительно поглядывая на европейцевъ, обтесываютъ уже колы.

Мы и вѣримъ и не вѣримъ.

А повѣздъ нашъ ускоряетъ ходъ. Говорятъ, близко уже Аены и машинистъ-грекъ, тщеславный, какъ всѣ греки, хочетъ превзойти самого себя и придти на пять минутъ раньше противъ того опозданія въ три часа, которое онъ уже сдѣлалъ. Такимъ образомъ мы опоздаемъ не на три, а на 2 ч. 55 минутъ.

Левъ Максимъ.

(Продъ въ слѣд. №)

Послѣ боя.

Англійскій солдатъ добродушно помогаетъ нѣмецкому раненому вѣнцу заку-

Английскій крейсеръ «Пласфидеръ», потопленный на-дняхъ флотиліей нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ у западныхъ береговъ Великобританіи.

ПИРАТЫ 1914 ГОДА.

30-го марта 1856 года на Парижскомъ конгрессѣ, по поводу конца Крымской кампаніи, европейскими державами было вынесено постановленіе, что морскіе разбои въ видѣ нападенія на торговыя суда, везущія товаръ врагу, если эти суда идутъ подъ нейтральнымъ флагомъ и не везутъ военной контрабанды, признаются недопустимымъ нарушеніемъ международнаго права.

Говорить о томъ, что Германія является ежедневной нарушительницей международныхъ договоровъ—не приходится: это стало правиломъ для страны зарвавшагося кайзера. Разрушеніе Реймскаго собора показало больше, чѣмъ что-либо, что германцы совершенно не считаются съ врагами, но есть факты, о которыхъ мелькомъ упомянули газеты, что Германія нарушила даже такой общечеловѣчскій договоръ, какъ 1856 года, и выступила на путь организованнаго пиратства.

Крейсеръ «Эмденъ», крейсирующий сейчасъ въ Тихомъ океанѣ, просто-на-просто нападаетъ и грабитъ суда державъ, объявившихъ на все время войны полный нейтралитетъ и болѣе склонныхъ даже къ тройственному союзу, чѣмъ къ

соглашенію; такъ недавно «Эмденъ» ограбилъ голландское судно, а немного ранѣе—английское.

Времена морского пиратства, о которомъ такъ много писали дѣтскіе романисты, воскрешены... Ограбленный

голландскій пароходъ былъ просто «взятъ на абордажъ», какъ нѣкогда испанскія галеры брали венеціанскіе корабли, и отведенъ на привязи въ какой-то сосѣдній портъ, гдѣ его дограбили уже дочиста...

Международное право знаетъ цѣлую систему наказаній государства, корабль котораго занимается пиратствомъ, находясь подъ флагомъ этого государства, но обычай, котораго придерживаются уже столько лѣтъ на всѣхъ моряхъ и океанахъ, ставить пиратское судно въ положеніе «общаго врага» и если какой-нибудь нейтральный военный корабль вступить въ бой и потопить «Эмденъ», то гаагскій трибуналь (международный третейскій судъ) врядъли назоветъ это нарушеніемъ нейтралитета. Если «Эмденъ», грабя голландскій корабль, не везущій военной контрабанды, дѣйствовалъ по приказанію правительства—это означаетъ, что Германія нарушила нейтралитетъ Голландіи и первая напала на нее. Если-же «Эмденъ» разбойничаетъ, по своему личному усмотрѣнію,—онъ внѣ закона, онъ—простое пиратское судно, подлежащее захвату, разрушенію и сдачѣ его экипажа подъ судъ.

„Вѣчный покой“.

Обычная картина на поляхъ Франціи: простой крестъ на могилѣ солдата и рядомъ ранецъ героя, павшаго на защиту родной страны.
(Изъ фот. С. Лемингтона)

А. Б.

ЛѢСНЫЕ БРАТЯ.

Разсказъ Ф. Ергина.

Рисунки Е. Нимича.

Между кочекъ и иховъ, за стволами поваленныхъ лѣсныхъ великановъ, пробирались они изъ сожженныхъ селъ и деревень въ непроходимую лѣсную чащу, окруженную топяма и трясинами.

Здѣсь, у полуразрушеннаго охотничьяго домика, подъ старымъ дубомъ, обсуждали они свои дѣла и отсюда производили грозные набѣги.

Ихъ знали всѣ и укрывали ихъ, и они знали все и, гдѣ только могли, уничтожали непріятели.

Ихъ было ровно шестьдесятъ человекъ.

Шестьдесятъ «лѣсныхъ братьевъ».

Каждый разъ, когда непріятель накладывалъ на что-нибудь свою святотатственную руку—появлялись «лѣсные братья» и мстили.

Тогда пропадали большіе и маленькіе отряды, уничтожались обозы и разъѣзды и ужасъ воцарялся среди враговъ.

Лѣсные братья были неуловимы и они исчезали такъ же неожиданно, какъ и появлялись.

Неизмѣнно впереди люди видѣли высокую фигуру старика, съ длинными сѣдыми усами.

И пруссаки съ ужасомъ разсказывали о страшномъ Янѣ, предводителѣ лѣсныхъ братьевъ.

Высоко по небу черной полосой протянулся зловѣщій столбъ дыма. Безпокойные звуки набата прорѣзали въ мую тишину долины.

Багровое солнце садилось за лѣсомъ. Послѣдніе лучи его сверкнули въ мутныхъ волнахъ рѣки и погасли.

На рысяхъ подошелъ къ рѣкѣ конный разъѣздъ. Остроконечныя каски въ чехлахъ защитнаго цвѣта выдали пруссаковъ. Ихъ было человекъ полтора при офицерѣ.

Спѣшились. Коней свели на водопой. У рѣки въ камышахъ солдаты нашли стараго крестьянина, выволокли и надѣлая пиньками, потащили къ офицеру, который въ это время сидѣлъ у моста на бревнѣ и курилъ сигару.

— Ты кто?—спросилъ черезъ переводчика офицеръ.

— Яцкъ.

— Зачѣмъ здѣсь?
— Отъ васъ спрятался.
— Гдѣ казаки?
— Съ утра прошли вонъ туда.—Старикъ показалъ въ сторону, противоположную лѣсу.

— Много?

— Не очень.

— А пѣхота была?

— И пѣхота была.

— Много?

— Много! Шли, шли,—думалъ конца не будетъ.

— А селенье есть близко.

— Есть. Тутъ сейчасъ за лѣсомъ.

— Ты знаешь дорогу?

— Почему нѣтъ?

Германцы выволокли старика, надѣлая его пиньками...
Изъ разсказа «Лѣсные братья».

— Так проводи.

— Присматривать за этой польской собакой! Чуть что, пулю в лоб. Садись!—скомандовал офицеръ.

Отрядъ выравнялся и потянулся къ лѣсу.

Старика гнали впереди

Въ лѣсу было почти совсѣмъ темно. Шахло сѣрой землей, мхами, грибами..

Неподвижно, пусто, молчаливо.

Только опытный глазъ могъ замѣтить одинокія тѣни, тихо скользившія за столѣтними стволами лѣсныхъ великановъ.

Ни шороха... ни вдоха...

У дороги остановились.

— Тутъ!—шепотомъ произнесъ кто-то:—они пройдутъ! Тутъ!

На дорогу осторожно выглянулъ сѣдой старикъ.

Янъ изъ Пшежембиць!

Страшный Янъ притаился, какъ тигръ, и ждалъ добычи.

А она уже близко.

Впереди ѣхали два драгуна съ ружьями на перевѣсь, шагахъ въ тридцати отъ нихъ растяннулся стрядъ, гоня передъ собой плѣнника.

— Ну, что далеко?—спросилъ его офицеръ.

— Приѣхали...—отвѣтилъ старикъ и вдругъ, какъ бѣлка, прыгнулъ черезъ канаву и скрылся за деревьями. Одновременно съ обѣихъ сторонъ шоссе, гулко по лѣсу раздались ружейный залпъ.

Передніе ряды нѣмцевъ рухнули на земь.

Страшный Янъ притаился, какъ тигръ, и ждалъ добычи.

Изъ разсказа „Лѣсные братья“.

Вдругъ передъ прусскимъ офицеромъ выросла фигура страшнаго Яна... Къ разсказу „Лѣсные братья“.

Освободившіеся отъ всадниковъ кони помчались по лѣсу.

Второй залпъ и еще человекъ тридцать повалилось съ лошадей.

Раздались стоны раненыхъ.

Растерявшіеся пруссаки сбились въ кучу.

А залпы слѣдовали непрерывно, одинъ за другимъ, повергая все большее и большее число неприятелей.

Наконецъ, опомнившіеся пруссаки спѣшили и съ саблями на-голо кинулись въ лѣсъ.

Началась схватка.

Лѣсные братья отступали спокойно, больно кусаясь, и ряды неприятеля таяли.

Вдругъ передъ прусскимъ офицеромъ, словно изъ земли выросла фигура страшнаго Яна.

Пруссакъ выстрѣлилъ въ него и промахнулся, а прикладъ Яна опустился на каску офицера, разнесъ ее и раздробилъ черепъ.

Со стономъ повалился пруссакъ.

Багровое зарево заливало полъ неба. Было свѣтло, какъ днемъ и, разбуженные, лѣсные великаны сердито качали головами и шумѣли.

Ф. Ергинъ.

Наши союзники.

Бывшій японскій повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинѣ, баронъ Фунаками, прибывшій въ Петроградъ.

(Съ фот. К. Булла).

ПО БЕРЕГАМЪ «ЛОСКУТНОЙ МОНАРХИИ».

(Письмо изъ Триеста).

Въ пестромъ разнообразіи народовъ и городовъ австрійской монархіи—солнечный Триестъ, развернувшійся у волнъ Адриатики—настоящая жемчужина. Отсюда Австрія посылаетъ свои коммерческія суда, отсюда она хищно надвигается на желанную Албанію. А недалеко, на томъ же берегу, въ венгерскомъ Фиуме, стоятъ подъ парами австрійскіе броненосцы.

Триестъ и его окрестности, вся роскошная Далмація населены славянами.

Возьмите одни названія городовъ, какіе-нибудь,—Рагуза, Премостье, и сразу почувствуете славянское!

Этотъ чудный уголокъ съ живописными пейзажами, заставляющими восторгаться даже патентованныхъ туристовъ-англичанъ, исколесившихъ, кажется, всѣ

уголки міра, на которыхъ Бедекеръ наклеилъ ярлычокъ «красота»...

Далматинцы-славяне, горячіе, убѣжденные, славяне по духу, по идеѣ. Силой вещей, эти люди носятъ австрійскія кокарды. Но не больше. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ углахъ Австріи, здѣсь тоже гніеніе государственнаго организма. Здѣсь живутъ славяне и австрійцами они никогда не станутъ...

Теперь, когда грохочутъ австрійскія пушки, когда сотни тысячъ русскихъ запасныхъ, призванныхъ въ два-три дня подъ знамена, бросили нѣмецкимъ аппетитамъ свое грозное «довольно»,—здѣсь въ Далмаціи особенно остро чувствуется и этотъ славянский подъемъ среди тѣхъ,

кого не сегодня-завтра пошлютъ стрѣлять въ собственныхъ братьевъ.

Въ кафе «Нью-Йоркъ», самое популярное въ городѣ—не попасть! Столики берутся прямо съ бою. Мечутся, какъ безумные, крохотные, черномазые мальчишки съ экстренными прибавленіями газетъ. Къ вечеру народу немного меньше, такъ какъ въ ратушѣ былъ назначенъ митингъ и на широкой площади собралась тысячная толпа.

Ко мнѣ подошелъ какой-то человекъ—не то чистенько-одѣтый рабочий, не то какой-нибудь конторскій служащій.

— Вы разрѣшите присѣсть?..

— Пожалуйста...

Мы разговорились.

Петръ Спайковичъ служилъ въ конторѣ «Флоріо Рубатино». Сегодня утромъ, какъ резервистъ, онъ явился на сборный пунктъ и черезъ два дня съ полкомъ отправляется. Куда? Пока неизвѣстно.

Оркестръ наигрывалъ вѣсскія пѣсенки, оживленно суетилась публика и сновали юркіе лакеи.

— Черезъ два дня я уйду на войну...

Вы не можете себѣ представить, какъ тяжело мнѣ это... За что? Скажите мнѣ—почему я долженъ сражаться въ нѣмецкихъ рядахъ противъ моихъ-же братьевъ. Вѣдь насъ далматинцевъ, чеховъ, поляковъ, русинъ, сербовъ, словомъ, всѣхъ славянъ, живущихъ въ разноплеменной Австріи,—насъ больше половины всего населенія! И мы, угнетенное большинство, находящееся въ рабствѣ у меньшинства... Я покорился... Но тѣ, у кого нѣтъ сорока лѣтъ за спиной, тѣ поступаютъ иначе. Пять лѣтъ тому назадъ въ тотъ годъ, когда «мы» забрали Герцеговину и Боснію, мой братъ отбывалъ въ Рагузѣ воинскую повинность! И когда поздно ночью его разбудили и выстроили передъ казармой, Рудольфъ отказался идти... Военный судъ приговорилъ брата къ десяти годамъ тюрьмы... Теперь онъ въ Сербіи... бѣжалъ. Сегодня насъ собрали въ манежѣ. Въ громадной толпѣ запасныхъ было всего нѣсколько нѣмцевъ. Они держали себя вызывающе. Громко говорили о предстоящихъ побѣдахъ, о разгромѣ Сербіи, а затѣмъ и Россіи. Славяне-резервисты были задумчивы. А когда мы разошлись, уже въ форменныхъ кэпи, я, какъ и многіе другіе, думалъ свою думу...

Вчера я былъ на вокзалѣ.—Петръ Спайковичъ уходилъ съ С—имъ пѣхотнымъ полкомъ въ Землинъ...

— Прощайте...

Пароходъ «Ллойда» везетъ васъ мимо береговъ Далмаціи. Въ другое время—лучшей прогулки не надо. Но теперь, когда на каждомъ шагу, у каждой пристани—штыки, пушки, обозы—какъ-то не замѣчаешь далматскихъ красотъ...

— Вы русскій?—обращается ко мнѣ молодой офицеръ «Ллойда».

Мы стоимъ у борта, и смотримъ внизъ. гдѣ съ грохотомъ и лягомъ грузили вагонныя ящики.

— П.

Курганъ—судящаяся иррегулярная конница, совершившая съоловинѣ набѣгъ на восточнѣе сѣверѣ въ Кавказѣ

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна изволить осматривать сортировочные бараки и питательные пункты гор. общественаго управления. (Съ фот. К. К. Бузла).

И вотъ опять я услышалъ тѣ же вѣщія слова, которыя говорилъ резервистъ Спайковичъ. Этотъ молоденькій морякъ, прямо мальчикъ, ненавидитъ Вѣну. Онъ родился въ своей Далмаціи, любить ее сильно такъ, какъ умѣютъ любить южане-патріоты...

Вечеромъ нашъ пароходъ проходилъ мимо скалъ. Совсѣмъ близко отъ берега. Кажется если-бы не сумерки —увидѣлъ бы людей на берегу.

— Вотъ...смотрите,—сказалъ офицеръ, —видите,тамъ прямо высокая скала... видите?... На ней развалины... Замѣчаете?... Это наша святыня...

Тутъ морякъ понизилъ голосъ и продолжалъ:

— Тамъ на скалѣ стоитъ развалившійся замокъ. О немъ сложилась легенда; наша славянская легенда.

Говорятъ, его выстроилъ давно, очень давно одинъ далматинскій воевода. Проходили годы, цѣлыя столѣтія, и хозяева замка мѣнялись. Въ немъ жили венеціанскіе полководцы, генуэзскіе моряки, славянскіе воеводы, громили его турки и, наконецъ, забрали австрійцы. Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, этотъ замокъ былъ уже австрійской крѣпостью. Тогда свирѣпствовалъ ужасный Радецкій. Австрійскій фельдмаршалъ безпощадно вѣшалъ славянскихъ повстанцевъ.

Въ старомъ замкѣ томилась сотня несчастныхъ, обреченныхъ, которые ждали своего дня...

Въ эти кровавые годы однажды туда ваточили крестьянина Марко.

Въ мрачномъ подземномъ казематѣ угловой башни Марко проводилъ свою послѣднюю ночь. Утромъ камиль...

Спитъ Марко и видитъ вѣщій замѣчательный сонъ. Снится ему, что открывается

тяжелая дверь каземата и входитъ прекрасная, вся сіяющая женщина.

— Не бойся, Марко, австрійцы не убьютъ тебя. Возьми этотъ факель. Это—факель славянской свободы...

На утро австрійцы не смогли вѣшать своихъ узниковъ. Замокъ сгорѣлъ и обратился въ развалины...

— Это легенда, —добавилъ морякъ,— но замокъ, дѣйствительно, сгорѣлъ отъ неизвестной причины. А съ тѣхъ поръ у насъ въ народѣ говорятъ, что скоро скоро снова придетъ Великая Славянская Заступница и дастъ славянамъ факель, которымъ сожжетъ австрійскую темницу и сброситъ нѣмецкій гнетъ...

Мы шли полнымъ ходомъ. Замокъ уже почти исчезъ на горизонтѣ.

Великая Славянская Заступница... Это—легенда. Но миллионы славянъ, живущихъ въ ненавистой имъ Австріи—это уже живнъ...

И триестскій резервистъ, и этотъ морякъ, они вѣдь не одни... За ними другіе: много другихъ...

А. Г—ій.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ 2-го изданія. При этомъ № „Всемирной Панорамы“ рассылаются книжки №№ 33 и 34 „Классической Библиотеки“.

Бодрые духомъ.

Бодрый духъ французскихъ воиновъ проявляется и на самоотверженномъ героизмѣ...

Обжились въ плѣну.

Высокая культурность французовъ сказывается въ ихъ отношеніи къ плѣннымъ нѣмцамъ, которые чувствуютъ себя очень хорошо: читаютъ, играютъ въ карты и отдыхаютъ.

Баллада.

Чье въ степи глухое ржанье?—
 Это вѣрный конь
 Мчится, кинувъ поле брани,
 Грохотъ и огонь.
 Льется кровь изъ черной шеи.
 Путь его далекъ.
 Умираетъ у траншеи
 Раненый сѣдокъ.
 Вѣрный конь летить просторомъ,
 Никнетъ головой,
 А за нимъ—зловѣщій воронъ,
 Жуткій волчій вой.
 Не догонишь, злая птица!
 Вотъ знакомый ровъ,
 Вотъ родимая станица
 И родимый кровъ.
 Конь домчался. Сталь онъ разомъ,
 У воротъ заржалъ;
 Глянулъ конь разумнымъ глазомъ,
 Въ смертной дрожи палъ.
 Онъ свое исполнилъ дѣло:
 Онъ принесъ домой
 Вѣсть о томъ, что бился смѣло
 Воинъ молодой....
 Мать приникла къ липкой гривѣ,
 Горемъ сражена,
 Только стала молчаливѣй
 Юная жена.
 Ей ли, сильной, терпѣливой,
 Этихъ мукъ не снести?..
 — Ой, спасибо, конь ретивый,
 За святую вѣсть!
 Спи, солдатъ, на полѣ брани,
 Очи въ землю прячь!
 Пусть молчитъ мое страданье,
 Не звучитъ мой плачь!
 Слышишь, воинъ,—я отчизнѣ
 Тоже отдаю
 Тихій подвигъ: силу жизни
 И любовь мою.

Дмитрій Цензоръ.

ДИВИЗІЯ.

Колонна за колонной,
 Полями, лѣсомъ, вбродъ,
 Могуче, неуклонно
 Дивизія идетъ.

Зеленя рубахи,
 Зеленые штаны,
 Штыковъ стальные взмахи,
 Моторы, какъ слоны;

Орудій злыя жерла,
 Лафеты, передки,
 Казачьи пики—сверла,
 Ихъ красные значки...

Депутатъ-воинъ.

Членъ Госуд. Думы В. В. Шульгинъ, отправившійся добровольцемъ на войну и раненый въ одномъ изъ боевъ на австрійскомъ фронтѣ.
 (Онъ фот. А. М. Буша).

«Впередъ, впередъ, солдаты!»
 И вторить ступь: впередъ!
 «Тамъ бѣлые Карпаты,
 Иной, чужой народъ.»

Ребята, Русь за вами,
 И Кіевъ, и Москва!
 Поляжемъ головами,
 Чтобъ Русь была жива!»

Могуче, неуклонно,
 Все дальше, все впередъ,
 Колонна за колонной,
 Дивизія идетъ...

Алексѣй Липецкій

Старшая сестра милосердія летучаго отряда саратовскаго дворянства М. Ф. Субботина (дочь саратовскаго профессора).
 (Съ фот. К. Булла).

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, 2-го октября 1814 года, родился великій русскій поэтъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Редакція «Всемирной Панорамы» предполагала день столѣтняго юбилея поэта почтить выпускомъ спеціальнаго номера «О Лермонтовѣ» и выпускомъ его полнаго собранія сочиненій по самой доступной цѣнѣ, чтобы дать возможность самымъ широкимъ массамъ читателей пополнить имъ свою бібліотеку. Тяжелое время, не позволяющее еженедѣльному журналу отвлекаться отъ темъ міровой войны, лишило насъ возможности выпустить спеціальнѣйшій номеръ, посвященный творчеству поэта, что мы откладываемъ на самое непродолжительное время; что же касается дешеваго изданія полнаго собранія сочиненій, то благодаря занятому предпріятыемъ заботамъ объ этомъ — подписчики «Вс. Пан.» уже получили его въ видѣ бесплатнаго приложенія, а остальные читатели нашего журнала могутъ приобрести его въ магазинѣ «Книжный Поставщикъ», Петроградъ, Лиговская, 111—113. Цѣна полнаго собранія сочиненій въ роскошнѣйшемъ переплетѣ 3 руб. съ пересылкой.

Рѣдкій снимокъ съ группы русскихъ путешественниковъ, застигнутыхъ войной въ Германіи и находившихся въ плѣну на о. Рюгенѣ.

(Съ фот. Я. Штейнберга).

Король-герой.

Такъ называется бельгійскаго монарха извѣстный французскій журналистъ и писатель Роланъ де-Маресъ, посвятившій ему весьма интересную статью въ парижской печати.

Авторъ говоритъ, что когда король Альбертъ вступилъ на престолъ, то его народъ имѣлъ о немъ совершенно превратное понятіе. Юный монархъ казался человѣкомъ нерѣшительнымъ, безхарактернымъ и доступнымъ всякимъ случайнымъ вліяніямъ. Весьма большую роль въ созданіи этой репутаціи сыграло и то обстоятельство, что король Альбертъ былъ сыномъ покойнаго Леопольда II.

Но уже съ первыхъ дней своего царствованія юный монархъ показалъ, что онъ—совсѣмъ не то, что о немъ думали его подданные, и что онъ заслуживаетъ лучшаго о себѣ мнѣнія.

Еще наслѣдникомъ престола король Альбертъ показалъ себя другомъ и покровителемъ артистовъ, художниковъ и ученыхъ. Ставъ главой народа, онъ по-прежнему любилъ бесѣдовать съ профессорами на самыя серьезныя темы, обнаруживая при этомъ величайшую простоту, скромность и любезность. Онъ не гнушался разговаривать и съ простыми рабочими, внимательно вникая въ ихъ нужды. Эта искренность, а также любознательность, скоро снискали молодому королю исключительное положеніе въ странѣ и глубокія симпатіи всего народа. Но что окончательно закрѣпило за юнымъ монархомъ любовь его подданныхъ, привыкшихъ къ безпринципности Леопольда II,—это его совѣстливость и чувства глубочайшей ответственности и долга, носящія у него прямо религіозный характеръ.

Когда вспыхнула кровавая европейскій конфликтъ, Бельгія увидѣла, что она правильно поняла и оцѣнила своего

короля. Это случилось уже на второй день послѣ предъявленія германскаго ультиматума, когда молодой король лично прибылъ въ парламентъ и заявилъ представителямъ народа о своемъ непоколебимомъ намѣреніи защищать и отстаивать силою оружія нейтралитетъ своего королевства. Его предложеніе и заявленіе были приняты единодушно и единогласно, но если бы парламентъ и правительство проявили въ этомъ дѣлѣ хоть малѣйшее колебаніе, то король Альбертъ несомнѣнно воспользовался бы своими конституционными правами для роспуска народныхъ представителей и перемѣны правительства. Его рѣшеніе бороться за нейтралитетъ своего королевства было твердо, какъ камень.

Интересно то обстоятельство, что король Альбертъ былъ увѣренъ, что въ случаѣ европейской войны, нейтралитетъ Бельгіи будетъ свято соблюденъ воюющими государствами. Узнавъ, что его увѣренность не оправдалась, онъ былъ глубоко возмущенъ и съ негодованіемъ отвергъ сдѣланное ему, при посредствѣ нейтральной державы, отъ имени Германіи предложеніе—продать свой нейтралитетъ за французскую Фландрію.

Когда Льежъ палъ, король Альбертъ еще долго боролся и не отступалъ къ укрѣпленному Антверпену, чтобы дать возможность французамъ выиграть время и завершить вполне мобилизацію всѣхъ вооруженныхъ силъ страны, неожиданно ставшей союзницей Бельгіи.

Во всѣхъ бояхъ и походахъ король Альбертъ дѣлилъ со своими солдатами и офицерами всѣ горести и радости войны.

Новое орудіе разрушенія.

Членъ американскаго аэроклуба I. Штейнметцъ изобрѣлъ бомбу, которая общаеетъ сыграть важную роль въ воен-

номъ воздухоплаваніи. Бомба при укрѣпленіи кѣ тонкой металлической проволоки или серебряному шнурку. Летчикъ, поднявшійся надъ неприятельскимъ аэропланомъ или дирижаблемъ, бросаетъ прикрѣпленную къ проволоки бомбу съ такимъ расчетомъ, чтобы проволока осталась позади неприятеля. При дальнѣйшемъ движеніи впередъ, проволока попадаетъ на неприятельскій аппаратъ, и бомба взрывается. Взрывчатая часть бомбы сконструирована такимъ образомъ, что при легчайшемъ прикосновеніи къ воспламенителю происходитъ автоматическое воспламененіе взрывчатого вещества.

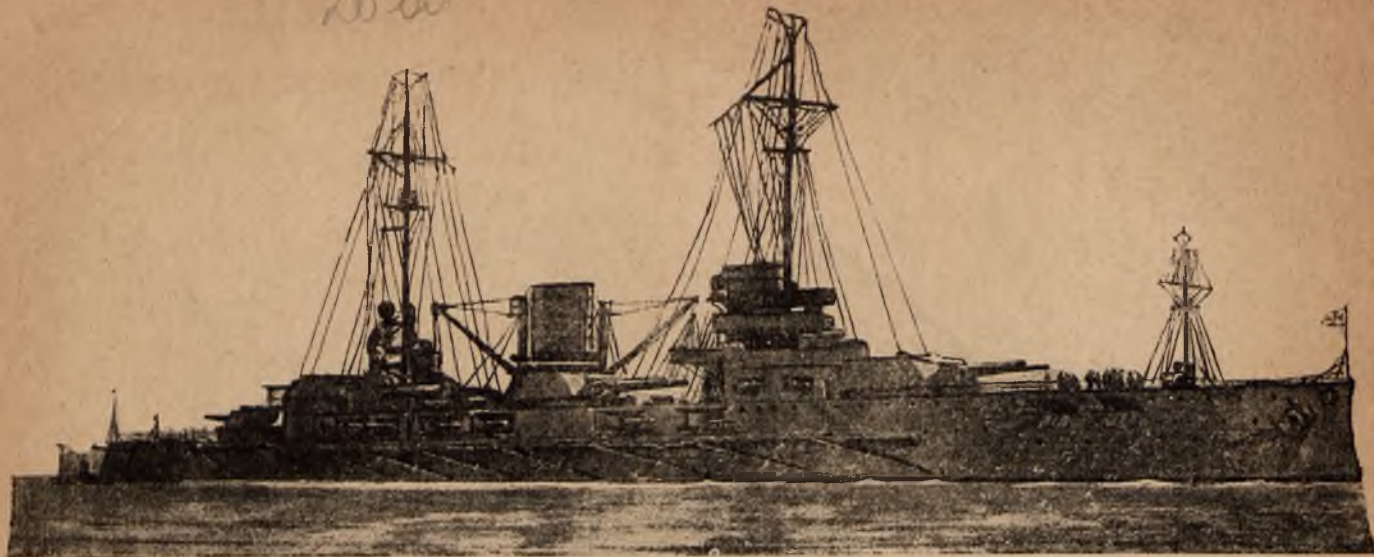
Какъ показали приведенные опыты, бомба эта можетъ оказать услуги и при разрушеніи судовъ, верфей, фортовъ и т. п.

Слишкомъ много думаетъ современное человѣчество объ орудіяхъ разрушенія!

Кайзеръ и сынъ. (Танецъ смерти).

2000

Пресловутый «Гebenъ»—нѣмецкій броненосецъ подъ турецкимъ флагомъ, крейсирующій въ водахъ Чернаго моря.

Редакторъ Б. А. Катловкеръ.

Издатель: Т-во Изд. Дѣла «Копѣйка» въ лицѣ представителя М. Городецкого.

ПОДРОБНѢЙШІЯ КАРТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ,

отпечатанныя въ 6 красокъ,

№ 1—размѣр. 20×24 верш., съ обозначеніемъ крепостей и линий жел. дор. ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

№ 2—размѣр. 18×22 верш. ц. 60 к., съ перес. 85 к.

№ 3—размѣр. 16×20 верш. ц. 40 к., съ перес. 65 к.

Съ требованіями обращаться: Москва, Улан-ский пер., д. № 30—31, Книжн. магаз.

П. К. Комисаренко. 42513

ШВЕДСКІЙ МОТОРНЫЙ ЗАВОДЪ Бр. Э К В А Л ь.

СПБ. Головинскій пер. 17.—Телеф. 411-68.

НЕФТЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ.

Модель 1914 года. Для мукомольныхъ, медныхъ и всѣхъ промышлен-ныхъ цѣлей. Высшее достоинство. Итны ант конкуренціи. Каталогъ № 2 по востребованію бесплатно. Всѣ размѣры постоянны на складѣ.

ИЩУТЪ СОСѢДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

новый романъ М. РАСКОВОА

„ВЪ ВОДОВОРОТЪ“

(Антонъ Кречеть).

ЦѢНА 40 КОП.

Полуженнымъ платежемъ 70 коп.

Главный складъ изданія:

Петроградъ, Лиговская, 111-113,

магазинъ

„КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“.

Поступила въ ПРОДАЖУ

БОЛЬШАЯ, МНОГОКРАСОЧНАЯ КАРТА

ВСѢХЪ ТЕАТРОВЪ ВОЙНЫ

Изданіе Акц. Общ. Изд. Дѣла „КОПѢЙКА“.

ЦѢНА КАРТЫ — 20 коп., съ пересылкой — 35 коп.

Главный складъ изданія: Книжный магазинъ „КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“. Петроградъ, Лиговская 111-113.

И П

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 336571

Практи-
кустар-
различ

Цѣна

Книжн

Условія подписки на „ВСЕМІРНУЮ ПАКОРАМУ“ на 1914 годъ.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ:

На 1 годъ—2 р. 50 коп., на 6 мѣсяцевъ—1 р. 50 к., на 3 мѣс.—80 коп., на 1 мѣс.—30 коп.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ:

На 1 годъ—6 р., на 6 мѣсяцевъ—3 р. 50 коп., на 1 мѣс.—55 коп.

Адресъ: Петроградъ, Т-во Издательскаго Дѣла „КОПѢЙКА“, Лиговская, 111-113 (собственный домъ).